
КОНТЕКСТ

М.В. ИЛЬИН, А.В. ВЕРЕТЕВСКАЯ*

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ
К МОДЕЛИРОВАНИЮ МИРОВЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ПОРЯДКОВ**

Аннотация. В статье представлены основания и принципы моделирования на примере разбора публикаций спецвыпуска журнала «Политическая наука», посвященного меняющимся мировым порядкам (№ 2, 2024). Проводится различие между моделированием в жизни и научных исследованиях. Освещается роль в политическом моделировании исследовательских вопросов, предмета, метода и мотивации исследований. Различаются явления и понятия о них, их опредмечивание (*reification, Verdinglichung*), а также реальность, действительность и воображаемость моделируемых феноменов. Особое внимание уделяется просчетам, вызванным неконтролируемым принятием «мифа данного» (*the myth of the given*) и «мифа рамки» (*the myth of the framework*). Рассматриваются процессы очищения насыщения и укоренения моделей, связь этих процессов с симплекс-комплекс трансформациями и трансдисциплинарными органами-интеграторами – метретикой, морфетикой и семиозикой. На материале публикаций спецвыпуска по меняющимся мировым порядкам обсуждаются дополнительные возможности моделирования, в частности, построения динамических моделей, учитывающих

---

* **Ильин Михаил Васильевич**, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; главный научный сотрудник, Институт Европы РАН; профессор-исследователь Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com ; **Веретевская Анна Вячеславовна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: veretevskaya.a@my.mgimo.ru

DOI: 10.31249/poln/2025.01.01

синхронизацию и дисинхронизацию политических процессов. Обсуждается проблема формирования теоретико-методологического подхода к развитию и, в частности, предлагается выработка не абстрактной теории, а трансдисциплинарной научно-исследовательской программы, ориентированной на освоение расширенного эволюционного синтеза (*evo-devo*).

Ключевые слова: моделирование; феномены; понятия; реальность; действительность; воображаемость; миф данного; миф рамки; трансдисциплинарные органы-интеграторы; метретика; морфетика; семиозика; симплекс-комплекс трансформации; синхронизация; дисинхронизация; расширенный эволюционный синтез.

Для цитирования: Ильин М.В., Веретевская А.В. Альтернативные подходы к моделированию мировых политических процессов и порядков // Политическая наука. – 2025. – № 1. – С. 16–49. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.01.01>

Вниманию читателей авторы предлагают опыт критики моделирования мировых политических процессов и порядков вкуче с откликом на тематический выпуск журнала, посвященный политическим порядкам (Политическая наука, № 2, 2024). Тем самым предметный интерес дополняется методологическим, который выходит на передний план. Это позволяет предельно сжато, но отчетливо очертить базовые исследовательские установки, «мотивации», которые исследователь избирает, а затем руководствуется ими. Характеризуются возможности и ограничения, связанные с выбором исследуемых явлений (что), способов их представления и моделирования (как), и устремлений самих исследователей (зачем). Далее проясняется категория порядков и беспорядков не только как политических и международных, но всей нашей реальности, действительности и воображаемости. Наконец, показано соотношение трех фундаментальных типов моделирования – очищающего (абстрагирующего), насыщающего (конкретизирующего) и укореняемого (вписывающего модели в действительные параметры пространства-времени изучаемых явлений).

Намеченные установки и принципы, возможности и ограничения фундаментальнее, чем методологические подходы и методологии. Они отчетливее и практически важнее, чем господствующие в нашей науке склонности редуцировать методы к смутным группировкам «количественных» (просто посчитать), «качественных» (просто пофантазировать) и «смешанных» (произвольно соединять) исследований. Они не просто важнее теоретических и идеологических предвзятостей, но позволяют их критически оценивать и преодолевать.

Публикации 2-го номера «Политической науки» в целом отличаются крайне высоким уровнем исследовательской культуры и методологической компетентности. Это делает их достойным предметом принципиальной критики с заявленных выше позиций, позволяет не только констатировать общую методологическую отсталость нашей науки – и отечественной, и мировой, – но показывать на отдельных примерах, как даже в этих трудных условиях исследователи способны получить ценные результаты за счет во многом все еще интуитивного учета предложенных в данной статье установок и принципов.

В целом статья не претендует на систематическое рассмотрение всего разнообразия типов и разновидностей политического моделирования. В сжатом объеме мы лишь попытаемся осветить наиболее перспективные способы моделирования на примерах тематического выпуска или близких к нему по смыслу и установкам публикаций.

Все статьи выпуска многослойны, как и всякое исследование. Их ядро образуют вполне научные по типу модели и прочие строгие инструментальные испытания. Опытные исследователи добавляют результаты, полученные за счет кругозора, научной культуры и владения исследовательским ремеслом. Это порой позволяет существенно умножать знания и обогащать чисто научные выводы. На это в нашей статье будет обращать внимание. Точные и удачные приемы моделирования – это еще не все. Важно, как полученные результаты трактуются и вписываются в бэкономское приращение знаний (*advancement of learning*).

Начать разговор пристало с того, *что* же такое модели, *как*, *за счет чего* и *ради чего* они создаются.

Моделирование в жизни и в научных исследованиях

Слова *модель* и *моделирование* многозначны, ничуть не мешает выявить базовые основания практик и результатов моделирования. Эти слова попали в новые языки и в научную терминологию из латыни через средневековых посредников: сначала реконструируемого словечка вульгарной латыни *modellus*, затем староитальянского *modello*, потом старофранцузского *modelle*. Исходной была уменьшительная форма существительного *modus* с четырьмя основными значениями: «мера», «предел», «манера» и, наконец, «грамматическое наклонение» (= способ представления действия). Модель – буквально маленькая мера, нечто уменьшенное,

упрощенное вплоть до предела и, наконец, способ представления. Язык подсказывает: *смысловая основа моделирования и создания моделей состоит в том, чтобы создавать малые копии разнообразных практик и процессов творчества, а также результатов и продуктов соответствующей деятельности.*

Моделируются самые разнообразные изменчивые явления, которые после упрощения могут предстать и как *вещи*, разного рода «модельки», а также *процессы*, их алгоритмы и способы действия. Процессы отбрасывания лишнего придают моделям «чистоту». Они, однако, отнюдь не идеальны, а фактурны. В результате создаются картинки и карты, схемы и таблицы, а также прочие продукты моделирования. В любом конкретном моделировании сочетаются моменты развертывания в процессы или свертывания в неподвижные «вещи». Это в решительной мере зависит от исследовательского вопроса, целей и ожидаемых результатов исследования.

Исследовательские мотивации и ожидаемые результаты

Начнем с *мотивации* (от лат. *moveo* – «двигаю») как движущей силы научной деятельности, с установок и устремлений исследователей и научных сообществ. Она совершенно естественно связана с ожидаемыми результатами исследований. Именно с этого *момента* (однокоренное слово с *moveo*), с потребности понять нынешнюю ситуацию начинает свою статью А.Ю. Мельвиль¹. Тут критически важна взаимосвязь моделирования с контекстами: «Внешний контекст сегодня вполне обоснованно воспринимается и понимается очень многими наблюдателями и исследователями как радикальный слом институциональных и ценностных основ миропорядка» [Мельвиль, 2024, с. 17]. При этом, однако, «...и внутренний контекст не менее драматичен и тревожен – судя по эмпирическим наблюдениям и некоторым обобщениям, множатся социально-политические расколы в современных обществах, усиливается об-

---

¹ «Драматические перемены, происходящие сегодня в мире, скорее всего, получат свое теоретическое осмысление не слишком скоро. Это и понятно: возникающие проблемы чрезвычайно сложны, к тому же социальное знание, как правило, отстает от во многом непредсказуемой динамики социально-политической реальности. Так и сейчас – наука не поспевает за публицистикой, новостная лента «взрывает» сознание, но при этом все еще не так много попыток осмысления и концептуализации новой реальности, возникающей внутри современных государств и в отношениях между ними» [Мельвиль, 2024, с. 17].

шая дестабилизация и социально-политическая поляризация» [Мельвиль, 2024, с. 17–18].

Фактически оба этих контекста позволяют выделить в качестве ведущей исследовательской проблемы глобальный кризис политических порядков на всех уровнях от общемирового до локальных.

Помимо двух контекстов Мельвиль выделяет еще два типа ключевых вызовов. Один он очень точно называет *онтологическим* и добавляет драматизма, ставя в кавычки дополнительную характеристику – «экзистенциальный». Онтологические вызовы «проистекают из самого объективного внутреннего и внешнего контекста и порождаемых им проблем» [Мельвиль, 2024, с. 19]. Другой тип вызовов имеет «своего рода *эпистемологический* характер», а сами эти вызовы «обусловлены пока что нерешенными вопросами преимущественно методологического характера, вытекающими из самой логики развития современной политической науки» [Мельвиль, 2024, с. 19].

В своей статье мы попытаемся подхватить логику выделения типов вызовов и провести различие онтологизируемых порядков-явлений и ментальных порядков-представлений, а также в целом учесть противоречивую связь и взаимную дополнительность реификации («овеществления») и дереификации («развеществления»), телесного и когнитивного планов. При моделировании необходимо учитывать и *что*, и *как* всего своего научного поиска, но прежде всего, установить их связь в своем исследовательском вопросе и самим этим вопросом, с *зачем* исследования. Опыт работы со студентами и аспирантами показывает, что пока три этих ключевые момента исследования – *что*, *как* и *зачем* – не осознаны и не сформулированы в исследовательском вопросе, а также не зафиксированы в теме работы, любые усилия от освоения фактуры до чтения литературы крайне неэффективны, а то и вообще бесполезны.

Что, как и зачем моделирования

В зависимости от своих интересов и целей вы можете сделать своей точкой отсчета то, *что* именно вас интересует. Это может быть, например, или некий порядок, конфигурация норм и правил, которая материализована в пространствах, зданиях, надписях, текстах, понятиях и терминах, или же более или менее алгоритмизированный ход событий и действий, или, наконец, результаты соответствующих процессов, отчасти овеществляемых в новых

институциональных конфигурациях. Как бы то ни было, при любом выборе, во-первых, не следует путать процессы упорядочивания с их исходными основаниями или же результатами – материальными или инструментально-процессуальными (последнее – политический порядок в узком смысле слова), и, во-вторых, сосредоточившись на чем-то одном, нельзя полностью упускать из виду остальное. При этом критически важно ранжировать различные аспекты изучаемого *что* по степени его значимости для своего исследования уже с самого его начала.

Не менее важно учитывать, *как* вы будете искать ответ на свой вопрос, *как* вы будете копировать интересующее вас явление. Испробованы сотни способов, приемов и ухищрений, созданных на самых различных основаниях. К счастью, есть возможность сгруппировать весь методологический инструментарий в три трансдисциплинарных органа-интегратора.

Во-первых, это *метретика*, чье *как* построено на использовании *мер* и на *измерениях*, на базах данных и статистике. Она шире неточно именуемых *количественных методов*, но включает их как свое ядро. Во-вторых, это *морфетика*, состоящая в способности выявлять *формы*, конфигурации, разнообразные паттерны и связи, структуры и функции. И, наконец, это *семиозика*, которая способна обнаруживать добавочные *смыслы* и *значимости* различных параметров, форм и функций, установленных предварительно метретикой и морфетикой.

Модели – не просто «маленькие копии» и отдельные от нас «предметы», а инструменты нашей практической и познавательной деятельности. Люди пользуются ими, чтобы в этих копиях найти подсказку для понимания тех сложных явлений, которые они хотят понять, объяснить и прагматически учесть, а то и непосредственно использовать. Такого рода устремления и установки выражают *зачем* исследования. Они не менее, если не более, важны, чем *что* и *как*. Смысл побуждающей потребности (*drive, Trieb*) прекрасно прояснил выдающийся антрополог Терренс Дикон в своем эпохальном труде «Неполная природа. Как разум возник из материи» [Deacon, 2011]. Порождающий момент возникает в силу отсутствия в наличном чего-то возможного, предполагаемого или даже потребного. Компенсация этой нехватки оборачивается восполняющей потребой, а та порождает необходимое. В научном исследовании и интеллектуальном моделировании наши чаемые цели, воображения, формы и даже субстанции оборачиваются ожидаемыми результатами научных испытаний отдельных объек-

тов, профессиональных уловок для выявлений форм и функций и неожиданных ухищрений искусного творца.

Порядки и беспорядки

Поясним базовый смысл терминов *порядок*, *order*, *Ordnung*, *ordre* в политике и политологии. Эта задача упрощается замечательным терминологическим обзором и профессиональным разбором соответствующих словоупотреблений в журнале [Миرونюк, 2024, с. 55–79]. Уже в заголовке, а затем и в тексте своей статьи он очень уместно вводит антонимы *беспорядок*, *disorder*, *Störung*, *désordre* и т.п., а тем самым соответствующие явления и понятия. Эта двойственность явления и понятия требует пояснения.

Явления, как подсказывает само слово, – это то, что *являет* себя, *появляется*, возникает и затем остается *явленным* нам и для нас. Древние греки использовали слово феномен, *φαινόμενον*, которое через латынь попало во многие языки, включая и русский. Это слово – возвратное, а точнее медиапассивное (двояко активное и пассивное) причастие от медиапассивного глагола *φαίνω* – «сияю сам собою, являю сам себя чьему-то зрению».

Понятия (от праслав. *ъѣтъ* – «хватаю» с приставкой совершения и результативности действия) или *представления* («подставления вместо») – это то, что происходит во время нашего мысленного «схватывания» (аналогично латинскому *conceptum* и нашему *концепт*) или *уподобления*, замены одного, неясного другим, подобным и ясным. Так что концептуализация – род того же моделирования.

Важно, что порядки и беспорядки существуют не сами по себе, не как вещи-в-себе, но одновременно и *явления* как чего-то самого по себе сосуществующего нам с вами, и *понятия* как встречного «схватывания» (*con-ceptiō*) нами чего-то внешнего. Явления как внешние материально-энергетические данности исходно объектны¹ и объективны, но субъективируются нами или

---

¹ Следует различать три типа свойств, проявляемых участниками субъект-объектных отношений. Это свойство *быть* субъектом или объектом – *субъектность* и *объектность*; свойство сбалансированно *влиять* на отношения – *субъективность* и *объективность*, наконец, свойство *искажать* субъект-объектные отношения – *субъективизм* и *объективизм*. Первые в исследовании просто констатируются, вторые учитываются с поправкой на любые эффекты, третьи влекут

друг другом, как только объекты исследования начинают проявлять самость и волю. Именно это происходит в политике, когда изучаемые нами мощные державы разваливаются за считанные дни или недели, а казавшиеся незыблемыми религии или идеологии теряют или приобретают своих приверженцев.

Порядки-явления включают упорядочивание мира, его субстанций и энергий, а также форм, их пространственно-временных и других фундаментальных характеристик, включая как чисто природные (климатические, биологические и т.п.), так и те, что привнесены соучастием и сотворчеством людей¹.

Порядки-представления охватывают огромный когнитивный континуум от смутных впечатлений и случайных мотиваций до продуманных и логичных построений, которые так или иначе становятся моделями (операционными копиями) порядков-явлений, с одной стороны, а также практических действий относительно порядков-явлений, – с другой.

Взаимодействие порядков-явлений и порядков-представлений варьируется от конфликтных и противоречивых сочетаний до относительно согласуемых и упорядоченных. Их прихотливые сочетания формируют комплексные смешения, ассамбляжи возникающих и разворачивающихся в мире явлений, которые включают и разнообразные нередко противоречащие друг другу алгоритмы, и неалгоритмизированные шумы. Когда мы говорим о порядке, то имеем обычно в виду не всю полноту феномена, а преимущественно условия его возникновения (почему), алгоритмы их получения (за счет чего) и результаты (для чего), а это лишь отдельные из выделяемых (моделируемых – *sic!*) сторон сложного феномена.

Конкретные конфигурации подобных сочетаний ближе к пределу конфликтности порождают ограничения (беспорядок, шум) политической деятельности и отдельных действий, а ближе к пределу упорядоченности зарождают возможности (*affordances*) [Gibson, 1966; 1979; Wells, 2002; Withagen, de Poel, Araújo, Pepping, 2012; Heras-Escribano, de Pinedo-García, 2018; Heras-Escribano,

---

искажающие эффекты, их следует избегать или по меньшей мере минимизировать искажения (*bias*).

¹ Порядок более фундаментален, чем любое другое явление. Это было показано в знаменитой книге «Порядок из хаоса» [Prigogine, Stengers, 1984; Пригожин, Стенгерс, 1986]. Уточняя название, которое модно было бы понять как замена одной «вещи» другой, авторы показывают, что наша Наблюдаемая Вселенная является *процессом* упорядочивания, а хаос лишь вторично оттеняет этот процесс.

2019; Saborido, Heras-Escribano, 2023; Stoffregen, Wagman, 2024]. В конечном счете наши возможности упорядочивания позволяют модифицировать внешние ограничения, будь они природными или социальными, в формируемые с нашим действенным участием уже во вполне объективированные возможности посредством использования создаваемых нашим сознанием «субъективных» моделей.

Еще раз отметим вслед за М.Г. Миронюком [Миронюк, 2024, с. 55–79], что политическое целедостижение предполагает регулярность¹ и тем самым предсказуемость политического процесса, что позволяет нам формулировать цели и способы их достижения. Осуществление воображаемой нами *правильности* за счет *исправления* предполагаемой *неправильности* или беспорядка становится *управлением*. Тут *беспорядок*, а скорее *неупорядоченность*, можно попытаться превратить в ограничения и одновременно возможности. Подобное превращение не только *познавательная задача*, но и *практическое требование политики* как «искусства возможностей».

Реальность, действительность и воображаемость феноменов

Напомним, что понимание и трактовка как собственно порядков (порядков-явлений), так и их моделей (порядков-представлений) связаны с различением целостных феноменов, обстоятельств нашего взаимодействия с ними и наконец наших представлений и о феноменах, и об обстоятельствах нашего взаимодействия с ними. Иными словами, сами по себе феномены, остававшиеся кантовскими вещами-в-себе до своего *явления* нам, *явлены* нам по-разному: и как некая будто бы самодостаточная предметность (*реальность*), и как *действительность*, т.е. практика нашего взаимодействия с самостоятельными предметами, и как наши собственные *представления* о предметном субстрате и о его практическом использовании. Соответственно нам крайне важно

---

¹ Регулярность – главное свойство порядка и потому не менее регулярна. Пресловутые «законы природы», не говоря уж об абстрактных философских принципах, лишь ее эпифеномены.

различать *реальность* (*reality, Realität*), *действительность* (*actuality, factuality, Wirklichkeit*) и *воображаемость* (*imaginary*)¹ порядков.

Тут необходимо сделать краткое отступление об опасности радикальных методологических просчетов. Один заключается в том, что самодовлеющее значение придается реальности. Она и ее конкретные объекты абсолютизируются. Такого рода просчет был совершен позитивистской наукой. Она потребовала полной редукции всего нашего опыта к четким данным. Яркая и убедительная критика грубого искажения явлений и фактов была представлена в образе «мифа наличного» (*the myth of the given*) Уилфридом Селларсом [Sellars, 1956; Kukla, 2000; Shanks, 2018; Hicks, 2020; O'Shea, 2021; Cowley, 2024].

Противоположный просчет заключается в такой же абсолютизации воображаемости и исследовательского произвола. Подобный просчет становится все популярнее после постмодернистской методологической катастрофы. Его контуры обозначились, впрочем, куда раньше. Во всяком случае, создавший формулу *миф рамки подхода* (*the myth of the framework*) Карл Поппер [Popper, 1987; 1994] попытался подступить к проблеме релятивизма знания и исследовательского произвола еще в середине 1960-х годов.

Вернемся, однако, к порядкам, к их реальности, действительности и воображаемости. Ясно, что сами явления и их адекватное понимание лежат посередине между обманчивыми крайностями объективистской данности и субъективистской произвольности. Однако и при уклонении от крайностей выверить баланс непросто из-за возникающих отклонений. Прислушаемся к уже процитированному первому абзацу вводной статьи Мельвиля: «...возникающие проблемы чрезвычайно сложны, к тому же социальное знание, как правило, отстает от во многом непредсказуемой динамики социально-политической *реальности*²... при этом все еще не

---

¹ О категории воображаемости см.: [Castoriadis, 1975; Arnason, 1989 a; b; Taylor, 2004; Касториадис, 2003; Тейлор, 2010; Фомин, 2012; Арнасон, 2015], а также специальный выпуск ежегодника МЕТОД за 2012 год.

² Привычные трактовки мыслимого нами порядка как *реальности* требуют уточнения, поскольку реальность лишь одна из сторон или, скорее, измерений изучаемых явлений или феноменов. Они сложны и включают три больших типа проекций или измерений существования: (1) реальность, (2) действительность и (3) воображаемость. Реальность («вещность, материальность», *realitas, reality, Realität*) сводится к материальности, вещиности. Это почти чистый материальный субстрат, лишь слегка оформленный превращениями неразрывно связанной с ним энергии. Действительность (*actuality, factuality, Wirklichkeit*) возникает из энергий-

так много попыток осмысления и концептуализации новой *реальности*, возникающей внутри современных государств и в отношениях между ними (курсив наш. – М. И. и А. В.)» [Мельвиль, 2024, с. 17]. Посмотрим конкретнее, каков статус реальности, действительности и воображаемости в политике.

В политике как в сфере человеческого целедостижения по Парсонсу или самостоятельного руководства по Веберу непосредственно проявляется воображаемость, которая по определению включает, однако, действительность и реальность, но лишь в качестве своих субстратов. Материально-энергетический субстрат и жизнедеятельность (структурно-функциональный субстрат) выступают как всего лишь необходимые опосредованные (косвенные) условия политики. Для занятий политикой необходимо, конечно, иметь тела и артефакты, поддерживать существование и тех и других затратами энергии. Но не более того. Критически важнее самоценная добавка человеческой структуриации порядков, на чем фокусируют внимание классики нашей науки (Вебер, Парсонс, Даль, Роккан, Тилли и др.). Однако еще важнее высшие проявления воображаемости – наша когнитивно-коммуникативная семиотическая деятельность, различные типы рациональности и операциональные умения. Все это, начиная с семиотики, нам увы, все еще только предстоит освоить.

Так что получается, что нам как политологам приходится изучать наиболее сложные и многомерные феномены, неизбежно включающие их реальность, действительность и воображаемость. Использовать же удобно, а фактически необходимо их модели-копии в том или ином измерении, начиная с трех комплексных параметров и кончая частными и значимыми именно для политики и политической воображаемости, например, таких содержательно значимых показателей, как результативность (*effectiveness*), состоятельность (*sufficiency*), поддерживаемость (*sustainability*),

---

ной составляющей субстрата, охватывает и пронизывает этот субстрат за счет его *структуриации (structuration) действующими силами (agency)* [Giddens, 1979] – эмергенцией, эволюцией, трансформациями разного рода и непосредственными моментами конкретного развертывания в жизнедеятельности. Тем самым сама уже многомерная реальность приобретает качественно новые измерения. Наконец, воображаемость (*imaginary, das Imaginäre, l'imaginaire*) – это еще более сложное целое, которое порождают наиболее совершенные действующие силы развития, способные рефлексивно воспринять и осмыслить себя вкупе со своим субстратом и жизнедеятельностью. В политике воображаемость предстает в виде политических ценностей и установок, ожиданий и планов, утопий и страгатагем и т.п.

устойчивость (*resilience*), подотчетность (*accountability*), справедливость, демократичность и т.п.

Моделирование очищающее, насыщающее и укореняемое

Поскольку суть моделирования заключается в упрощающем копировании, в отбрасывании избыточного, то его функциональной характеристикой является очищение. Однако оно не спонтанно и бесконтрольно. Требуется удалить несущественные черты (ср. блоковскую формулу – «сотри случайные черты и ты увидишь – мир прекрасен»), чтобы получить искомую модель. Такая условно идеальная модель будет не только очищенной (*thin*) в сравнении с насыщенной (*thick*) [Ryle, 1968 a; Ryle, 2009; Geertz, 1973], но также содержательно крайне бедной. Данное инструментальное достоинство (*как* исследования) с точки зрения исследовательского интереса (*зачем*) и предмета (*что*) оборачивается недостатком. Так или иначе, исследователю приходится с оглядкой на мотивирующий вопрос (*зачем*), а также на жизненную фактуру и свою предметную специализацию (*что*) насыщать модель, т.е. действовать прямо противоположным образом в сравнении с прежними установками. Происходит обогащение модели, но при этом ее неизбежная методологическая «порча», явление аналогичное концептной натяжке (*conceptual stretching*) [Sartori, 1970; Сартори, 2003]. Впрочем, эта «порча» оборачивается важными достижениями, скажем, для страноведа с точки зрения *что*, а для практикующего аналитика – *зачем*.

В конечном счете в череде челночных движений от очищения к насыщению и обратно происходит укоренение (*grounding*) исследования и его результатов. Это отдаленно напоминает практику так называемой *укорененной теории* (*grounded theory*) [Glaser, Strauss, 1967; Strauss, Corbin, 1990; Charmaz, 2000; 2006]. При всем сходстве технической процедуры укоренения разница существенна. В укорененной теории исходная гипотетическая схема, не слишком адекватно названная теорией, подгоняется под данные, а то и вообще под сырую фактуру, «укореняется» там. Челночные же движения моделирования служат не подгонке, а согласованию друг с другом и очищенной схемы, и данных, и структурно-функциональных конфигураций, и смысловых моментов взаимодействий, а главное – всех их совокупно еще и с целевыми установками исследователя и ожидаемыми им результатами.

Колебательное чередование фаз очищения и насыщения в ходе развертывания и укоренения моделирования, да и прочих познавательных процессов позволило выработать программу симплекс-комплекс трансформаций¹. Она позволяет добиться одновременно и простоты, и сложности результатов. В свою очередь сложность позволяет также добиться большей сбалансированности в целостном понимании феноменов, избежать перекосов в восприятии их объектной реальности, субъектной действительности и творческой воображаемости. Тем самым научное исследование в целом, включая его наиболее строгие и изощренные практики, могут быть увязаны с традиционными профессиональными ухищрениями и с творческими интеллектуальными догадками.

Не только теоретические модели

Собственно моделью *sui generis* следовало бы считать теоретическое обобщение. Всякая иная модель, включая описательную, эмпирическую, компаративную, симуляционную и т.п., основывается на теоретической. Недаром типичный вопрос наших заокеанских коллег это – *What is your theory?* – Что у тебя за теория? Конечно, имеется в виду не полномасштабная теория, а всего лишь исходная теоретическая модель. Роберт Даль называл такую модель «тенева теория» (*shadow theory*) [Dahl, 1989; Даль, 2003]. Все статьи спецвыпуска так или иначе используют «теневые теории», которые ориентируют на определенный тип «видения» (*θεωρίᾱ*). Такие модели универсально наличного практически сливаются с непосредственно усматриваемым исследователем наличным. Это характерно, например, для статей [Мельвил, 2024, с. 16–36; Миронюк, 2024, с. 55–79; Лебедева, 2024, с. 102–123, Макаренко, 2024, с. 218–236].

Обобщенные видения авторов шире того, что может быть названо теоретическими моделями. За счет этой обширности и рас-

---

¹ Методологическая программа комплекс-симплекс трансформаций, разработка которой была предпринята Центром перспективных методологий ИНИОН РАН, начиная с реализации проекта РФФИ № 13-06-00789 «Разработка интеграционных методов и методик фундаментальных социально-гуманитарных исследований» (2013–2015), а затем проекта РНФ № 17-18-01536 «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований» (2017–2021) [Ильин, 2014; Фомин, 2014; 2015; Авдонин, 2016; Золян, 2016; Трансдисциплинарные органы..., 2016; Ильин, Авдонин, Фомин, 2017; Ильин, 2020, с. 55–58].

пływчатости они включают не только научно ориентированное моделирование и профессиональное усмотрение аналогий, но также весьма искусные личные моделирующие обобщения. Сквозь все эти уровни науки, ремесла и искусства моделирования отчетливо проходит нормативный стержень, даже если это не обозначено авторами эксплицитно.

Весьма яркий пример – статья М.Г. Миронюка. Автор термином *модель* практически не пользуется. Единственное употребление – «одна ранговая позиция может быть присуща участникам с разными моделями поведения» [Миронюк, 2024, с. 67]. Однако фактически он рассматривает несколько случаев моделирования разной степени отчетливости и без формирования строгих научных моделей. М.Г. Миронюк пишет о «структурной триаде Уолтса», «концептуальной схеме Булла», «реалистской метафоре государств как бильярдных шаров», а также вслед за Буллом именует модели образцами. Автор обсуждает баланс сил или верховенство права, фактически разумея некое подобие модели.

М.Г. Миронюк дает весьма содержательный обзор большого набора параметров международного порядка и беспорядка, предложенных авторитетными международниками. Он обобщает свой обзор предположением: «Вполне возможно, что и через тридцать или больше лет прилежные или небрежные соратники и однопартийцы, студенты и аспиранты сегодняшних участников упомянутых выше дискуссий будут использовать похожие аргументы и фиксировать похожие диагнозы порядков, созданных с участием людей» [Миронюк, 2024, с. 75]. Что означает этот тезис? То ли повторение древней мудрости о возвращении на круги своя? То ли отказ от усмотрения развития? То ли характерное для господствующей вневременной теории отождествление универсально наличного порядка / беспорядка с непосредственно наличной данностью?

Такая же вневременная универсализация налицо не только у Мельвиля, Лебедевой и Миронюка, но также у Макаренко. Он склонен моделировать целый набор существенных процессов трансформации отношений государства и народа. И хотя фактура и приемы исследования у него отчетливо эмпирические, да и «нарастающее многообразие» моделей из той же стилистики, общая рамочная установка теоретико-универсализаторская. И дело не только в заявке на разработку *универсального* индекса (= модели) и не в вынесенном в подзаголовок тезисе «конкуренция и участие как универсальные критерии» [Макаренко, 2024, с. 223]. Налицо такой точный симптом теоретичности, как использование для обозначения предмета изуче-

ния и моделирования термина *государство* в единственном числе (и по умолчанию с определенным артиклем – *the state, l'état*).

Весьма характерно, что основная аргументация в пользу универсального характера индекса конкуренции и участия сводится к констатации распространенности legislatures, всеобщего голосования, Интернета, достигнутой, но все еще не стопроцентной только в недавние годы. Придание этому *уникальному* моменту *универсальной* значимости оборачивается «свертыванием» эмпирической фактуры и моделей в теоретическую. Впрочем, и это вполне ожидаемый и естественный шаг, продолжение исследований обещает обернуться «развертыванием» универсального индекса и теоретической модели в серию эмпирических моделирований.

Не только «модели систем»

В дискурсе международников под терминами *модель, система* и *порядок* или их комбинациями понимается одновременно как некий феномен и его ментальная схема. Например, выражение *мировой порядок (world order)* может обозначать относительно сбалансированные или даже до некоторой степени регулируемые процессы и отношения на нашей планете, но также относиться к представлениям или даже доктринам, которыми люди руководствуются, когда думают о поддающихся регулированию мировых процессах.

Другой характерный пример: выражения *Версальская система*, равно как *Версальский порядок, Версальская модель*, а то и просто *Вестфаль* – зачастую используются взаимозаменяемо, да еще и по отношению как к тому, что и «в поле», и «в головах». Впрочем, некоторые продвинутые исследователи склонны, как искусно пользующаяся такой терминологией М.М. Лебедева, проводить важные различия.

Как уже отмечалось, в фундаментальной логике всеобщей эволюции *порядок* служит наиболее общим, рамочным термином. Однако в дискурсе международников это скорее более конкретное проявление системы. Нередко случается, что термином «система» начинает именоваться явление, а не интеллектуальная конструкция. Возникает не просто путаница, а зеркальное наизнанку действительного положения дел или «реальности», по Мельвилю.

Наконец, *модель* понимается часто как некая концепция или совсем уж как отчетливые контуры организации межгосударственных отношений, хотя порой модель начинают искать в действительности, а то и реальности. Удачные уточнения на этот счет сделали Миронюк [Миронюк, 2024, с. 61] и А.Ю. Мельвиль, который пояснил термин *миропорядок* [Мельвиль, 2024, с. 18]. Впрочем, его используют также А.В. Кортунов [Кортунов, 2024, с. 80–101], С.А. Афонцев [Афонцев, 2024, с. 151–170] и другие авторы журнала.

В условиях полисемии «вестфальской» терминологии ею весьма искусно маневрирует М.М. Лебедева. Она комбинирует эту квалификацию со словами *принцип, порядок, система, отношения, модель* и т.п. в разнообразных комбинациях. Она использует даже необычный термин *Вестфаль*: «Россия в 1917 г. “выпала” из Вестфалья, однако после ее признания другими государствами Советский Союз не только был включен в Вестфальскую модель мира, но после окончания Второй мировой войны стал одним из лидеров на мировой арене» [Лебедева, 2024, с. 107]; «вернуться с помощью изоляционизма “назад к Вестфалю”» [Лебедева, 2024, с. 106]. Лебедевой удается искусно избежать подвохов «вестфальской» терминологии, истоки которой в предвзятых трактовках Вестфальского мира германскими историками и юристами, которые перенесли бежавшие от нацистов Лео Гросс и Ганс Моргентгау. Они невольно дали толчок тому, чтобы превратно понявшие их американские коллеги сформировали тезис Вестфалья – фактически абстрактную нормативную модель, не имеющую отношения ни к Вестфальскому, ни какому иному порядку до или после него. С конца прошлого века идет убедительное развенчание Вестфальского мифа.

Свою крайне содержательную статью А.В. Кортунов [Кортунов, 2024, с. 80–101] посвящает моделированию будущего миропорядка, выявлению его измерений, а точнее конфигураций. Фактически он продолжает намеченную Миронюком перспективную линию соотнесения упорядоченного миропорядка (будь это нормативная теоретическая модель, прагматически чаемое состояние или до известной меры эпизодически или локально фактическое положение дел) с разнообразными появлениями беспорядка.

Автор выделяет пять основных вариантов (моделей) стабилизации миропорядка помимо их имплицитно допустимых вариаций от новой биполярности до атомизации международных процессов. Он уделяет много внимания отличиям возможных и ожидаемых конфигураций многостороннего сотрудничества бли-

жайших десятилетий от аналогичных моделей прошлого века. При этом, однако, А.В. КОРТУНОВ тщательно уклоняется от того, чтобы связывать их новой стадией, переходом на новый уровень, с утверждением новых (или обновленных) нормативных стандартов, хотя и говорит о перспективе достижения некоего равновесия. Ему ближе модели непрерывного развития. Об этом, правда, КОРТУНОВ в данной статье прямо не пишет, но из других его публикаций¹ следует, что адекватная модель развертывания миропорядка должна представлять его в непрерывности и во всей глубине, начиная, добавим со всей определенностью, даже не с Вестфалия, а куда раньше, начиная по меньшей мере с Лодийского мира 1453 г.

Для КОРТУНОВА важна непрерывность развития, когда фиксация на относительно упорядоченном «моменте истины» – лишь удобная для нашего упрощающего мышления уловка моделирования критических фаз перехода. Насколько мы понимаем, непрерывны не только относительно монотонные процессы, но и фазовые переходы. В каждый свершающийся момент развития наличны одновременно нынешние порядок и беспорядок. В каждый момент прошлого были наличны свои их сочетания, а в каждый момент будущего станут наличны свои. Такой подход проясняет рациональность обсуждаемого КОРТУНОВЫМ принципа «диффузной взаимности», то есть готовности участников взаимодействий «жертвовать частью своих ближайших конкретных интересов во имя предполагаемых, хотя еще и четко не обозначенных встречных шагов со стороны партнеров» [КОРТУНОВ, 2024, с. 80]. В этом случае понятна продуктивность форматов «проектной многосторонности», «основанной на создании подвижных ситуативных коалиций государств и негосударственных участников международных отношений для решения конкретных задач глобального и регионального управления» [КОРТУНОВ, 2024, с. 80–81].

В целом вполне оправданна намеченная КОРТУНОВЫМ перспектива: «На фоне роста “международного беспорядка” в обозримой перспективе наиболее продуктивными и наименее затратными окажутся форматы “проектной многосторонности”, основанной на создании подвижных ситуативных коалиций государств и негосударственных участников международных отношений для решения конкретных задач глобального и регионального управления. В итоге

---

¹ Прежде всего следует упомянуть два доклада РСМД [КОРТУНОВ, 2020 а; б], а также недавние публикации [КОРТУНОВ, 2020 с; 2021; 2022 б; 2022 с; 2023], равно как и большой том [КОРТУНОВ, 2022 а], включивший и другие важные работы.

накопление позитивных практик “проектной многосторонности” позволит постепенно перейти к более продвинутым практикам “стратегической многосторонности”» [Кортунов, 2024, с. 81].

При таком подходе модель сочетания порядка и беспорядка не предполагает расщепления непрерывности развития на дискретные сегменты. Чисто условное выделение «стадий» нужно нам лишь для схематичного упрощения как своего рода леса (*scaffolding*). Вспоминается тезис Витгенштейна об отброшенной лестнице. Более адекватная модель уже независимо от таких служебных, «отбрасываемых» лесов могла бы представлять политический процесс как непрерывный процесс наращивания и корректировки развития.

Такому подходу органично соответствует вполне укоренившаяся в политической науке метафора волн развития, однако и она фактически редуцируется до стадийных разделений. Этого можно избежать, если трактовать все и любые действия как синхронизацию или диссинхронизацию наличного порядка. Именно так и делается в стэнфордской модели кризиса [Almond, Flanagan, Mundt, 1973; Окунев, 2009]. Кризис – не четко отграниченное состояние, а нарастающее увеличение эндогенного беспорядка, т.е. диссинхронизация. Равным образом беспорядок – лишь негативное выворачивание наизнанку порядка, его нехватка. Если вернуться к намеченной Кортуновым проблематике, то было бы уместно в «стэнфордской» манере, но на основе других показателей и переменных, смоделировать синхронизацию и диссинхронизацию действий международных акторов или их согласие и несогласие с нормами порядка. Более того, можно было бы в соответствующих терминах смоделировать конкуренцию альтернативных порядков вплоть до «бегства» отдельных акторов из одного порядка в другой.

Такого рода моделирование вполне подошло бы для исследований, о которых пишет А.М. Мальцев [Мальцев, 2024, с. 300–325]. Дело не только в том, что потенциалы военной мощи комплексны и неоднородны, но еще и в их изменчивости. Они устаревают и снимаются с вооружения, обновляются и ставятся на вооружение. Меняется и их восприятие, способы использования, стратегические и тактические цели [Миронюк, Толокнев, Мальцев, 2018]. Мальцев обращает внимание на то, что господствующий реалистский и расчетно-статистический (и статичный) поток разработок по количественной оценке потенциалов военной мощи использует исключительно прокси-переменные, в основном сводимые к объемам оборонных расходов в постоянных долларах США и численности вооруженных сил.

Он справедливо показывает ограничения *эпизодического* подхода, который как раз редуцирует анализ к отдельным эпизодам, моментам, условным замерам мощи через прокси-данные. Тут аппарат исключительно метретический.

Ненамного лучше *диспозиционный* подход, где замеряются соотношения аналогичных данных вновь лишь в точках военно-политического соперничества. Появляется возможность, пусть ограниченная, но все же возможность использования морфетического моделирования, например, за счет использования структурно-функциональных соотношений, связанных с геополитическим распределением ресурсов. Разумеется, тут речь идет о геополитике в строгом смысле, а не о фантазиях идеологов и прожектерствующих политиков.

Наконец, *реляционный* подход предполагает дополнение диспозиционных оценок еще и интерпретацией вероятного успеха той или иной стороны, но это делается стихийно и интуитивно. При этом не предпринимаются даже попытки обращения к семиозическому аппарату, хотя бы в его прагматических и перформативных аспектах. А ведь именно это сразу же позволило бы критически оценить геополитические построения прожектерско-фантазийного толка и отделить их от содержательного обсуждения политических курсов и стратегических доктрин, очистить эти курсы и доктрины от любительской или риторической неадекватности.

Однако куда лучшие возможности моделирования динамического соотношения потенциалов военно-стратегической мощи в ее развитии открывает темпоральный анализ примерно такого толка, что предложен в стэнфордском проекте. Тут, как уже отмечалось, появляется возможность сравнивать меняющиеся потенциалы (совокупность ресурсов плюс внутренняя поляризация) коалиций в терминах синхронизации и диссинхронизации внутри- и межкоалиционных отношений.

Подобного рода возможности касаются не только моделирования военно-стратегического соперничества и сотрудничества, но также более широких и масштабных процессов соперничества и сотрудничества, охватывающих самые разные сферы, в том числе и такие, о которых идет речь в других статьях спецвыпуска самых разных дисциплинарных, методологических и предметных ориентаций от статей Картунова [Картунов, 2024, с. 80–101], Афонцева [Афонцев, 2024, с. 151–170] и Тимофеева [Тимофеев, 2024 а, с. 282–299] до Миронюка [Миронюк, 2024, с. 55–79], Лебедевой [Лебедева, 2024, с. 102–123] и Коротаяева с его коллегами Гриниными [Гринин, Гринин, Коротаяев, 2024, с. 124–150].

Не только действующие модели действующих агентов

Пожалуй, главной фундаментальной проблемой, основные прорывы в освоении которой еще впереди, является соотношение объектов и субъектов моделирования, включая самих исследователей и их «заказчиков», народы и их вождей, субъект-объектные контрверзы, соотношение субъектного, субъективного и субъективистского с объектным, объективным и объективистским в наших мыслях и действиях.

За эту проблему смело берется Д.К. Стукал в статье «Анализ субъективных данных в политических исследованиях: от экспертных оценок до искусственного интеллекта» [Стукал, 2024, с. 37–54], правда, он фокусирует свое внимание на вполне конкретной, но отнюдь не частной проблеме учета анализа субъективных данных, экспертных оценок и операций искусственного интеллекта в политических исследованиях или, точнее, моделировании. Возможно, именно подобные работы сейчас наиболее востребованы. Прежде чем обращаться к проблеме всякого рода искажений – объективистских и субъективистских, с использованием числовых прокси-данных для моделирования структурно-функциональных или ценностных и т.п. – разумно путем проб и ошибок осваивать такую проблематику по частям. В этом отношении отработка специальных техник использования ИИ для уменьшения искажений, приносимых экспертными оценками, представляется очень полезной, как самой по себе, так и создающей прецеденты для работы над другими сходными проблемами иных типов.

Именно к такого рода исследованиям вновь обращается новый декан Факультета социальных наук ВШЭ Д.К. Стукал в сотрудничестве с молодыми коллегами по факультету студенткой П.А. Гриневич и аспиранткой А.П. Бочаровой. На этот раз в фокусе внимания проблема валидности индексов «мягкой силы» и путей повышения их адекватности и точности. В статье показано, что анализируемые индексы «мягкой силы» существенно страдают от искажений, которые вызваны случайными или недостаточно оправданными способами агрегирования данных. Еще проблематичнее несоответствие прокси-переменных используемой концептуализации, не говоря уж о пороках концептуализации самой по себе. Авторы статьи помимо совершенствования подготовительной работы от концептуализации до измерений прокси-переменных очень уместно предлагают использовать метод главных компонент для более точного определения близких к фактическим весов

используемых признаков. В статье показано, как может выглядеть более валидный индекс «мягкой силы» за счет соответствующих корректировок, который, однако, по мнению авторов, может быть еще более усовершенствован за счет критической переоценки прокси-переменных и измерений «мягкой силы».

Весьма сходная и по духу, и по общей методологической направленности статья подготовлена известным ученым Е.А. Седашовым, аспирантом Д.Н. Черновым и студенткой С.Н. Баланиной [Седашов, Чернов, Баланина, 2024, с. 193–217]. Исследование вновь посвящено моделированию действующих агентов – на этот раз политических лидеров в условиях межгосударственных конфликтов. И вновь ключевая методологическая проблема связана с точностью моделирования. Авторы обсуждают искажения, связанные с неполнотой информации и достоверностью данных. Эти искажения порождаются как самими политическими лидерами (одновременно объектами и субъектами), так инструментарием и установками исследователей, также оказывающихся включенными субъектами. Авторы отталкиваются от модели конфликтного торга Фиарона, критически оценивают ее удачные и проблемные стороны, а далее развертывают серию предложений по оптимизации моделирования. В их числе самым значительным и эффективным становится использование техник диадического анализа.

Остается только надеяться, что представленная данными публикациями и подобными исследованиями научная работа выльется в целое направление деятельности наших коллег из ВШЭ, обогатив отечественную и мировую политическую науку.

Не только модели политистов

Во французском языке есть два слова для обозначения наших коллег: *politologue* и *politiste*. В шутку разница объясняется нашими французскими коллегами так: политолог – это как астролог, а политист – это как экономист. И действительно так называемый экономический империализм мощно, в некоторых областях едва ли не полностью колонизовал политическую науку. Не будем обсуждать, что это дало нам с вами, каковы издержки и возникшие диспропорции. Ограничимся признанием, что польза для строгого и верифицируемого моделирования несомненна. Предыдущий раздел нашего обзора о действующих моделях действующих агентов касается как раз работы политистов из НИУ

ВШЭ, правда, критически переосмысляющих экспортированные из экономических наук приемы и методы моделирования.

В этом разделе разговор об экспортированных из экономики способах моделирования продолжится. И первой следует упомянуть статью С.А. Афонцева «Экономическое измерение многополярного мира: о чем говорят показатели ВВП» [Афонцев, 2024, с. 151–170]. Этому авторитетному ученому за счет нетривиальных уточнений удастся создать существенно более реалистичную картину глобального распределения экономической мощи в мире. Ему удастся выделить три группы национальных и наднациональных субъектов международных отношений, чей экономический потенциал достаточен для воздействия на формирование складывающегося многополярного миропорядка. Однако особенно важно, с нашей точки зрения, обсуждение Афонцевым перспектив формирования широких коалиций с участием выделенных им международных субъектов. Это очень резонирует с предложенным нами способом динамической оценки синхронизации и диссинхронизации коалиций, как и межкоалиционной синхронизации и диссинхронизации к статье А.М. Мальцева.

Было бы прекрасно, если бы оба автора – и Афонцев, и Мальцев – на своем материале и на свой лад опробовали бы наше предложение. Впрочем, с некоторым преобразованием коалиционирования в ситуативный выбор подобное динамическое моделирование, возможно, еще эффективнее оказалось бы в случае исследования эффектов политики санкций И.Н. Тимофеевым. Это было бы тем более разумно, поскольку уже и в этой статье, и других аналогичных исследованиях Тимофеева [Тимофеев, 2019; 2020; 2022; 2023; 2024 б] проблематика краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных эффектов санкций обсуждается очень творчески и содержательно.

Крайне полезная статья для преодоления издержек, привнесенных экономическим империализмом в политическую науку, написана В.В. Каберником [Каберник, 2024, с. 237–261]. Ее содержание гораздо шире и богаче, чем объявленное рассмотрение ловушек статистики и опыта их обхода. Отправными моментами являются «заблуждение Макнамары» (*McNamara fallacy*) и «закон Гудхарта» (*Goodhart's law*). Казалось бы, оба касаются лишь ошибок в использовании и трактовке данных – не обязательно статистических, что лишь немного шире объявленной Каберником темы. Однако на деле это фундаментальные принципы, как признает сам автор. Первое «заблуждение», а точнее принцип его избегания,

касается крайне непростой задачи установления границ использования вычислительных и, шире, метретических методов и приемов. Эта тема проходит, кстати, в целом ряде статей спецвыпуска. Второй «закон» фактически связан с чередой фундаментальных «ограничений», оборачивающихся «возможностями» вплоть до принципа неопределенности Вернера Гейзенберга, вытекающего из корпускулярно-волнового дуализма. Во вводной части нашей статьи некоторые сходные ряды, связанные с важным для социально-гуманитарных и биоэкологических наук дуализмами, бегло названы в контексте реификации – дереификации (вещь – процесс), субъект – объект, действие – связка (*agency – structure*) и т.п.

Заключительная часть статьи В.В. Каберника посвящена проблеме доверия к данным и их ретроактивным корректировкам. Она особенно содержательно и помимо своего методологического значения полезна с той точки зрения, что автор на основе своего богатого опыта предлагает эффективные способы обхода типичных «ловушек» статистики, чреватых ошибочными трактовками данных и исследовательскими неудачами.

Тоска по модели развития

Дефицит адекватного понимания политического развития явно ощутим в нашей науке. Это признает и А.Ю. Мельвиль. Он справедливо отвергает линейную логику в духе Кондорсе и Маркса, но странным образом прочитывает и перетолковывает любые опыты изучения развития и даже эволюции в этой линейной логике. А ведь альтернативные подходы предложены. Можно вспомнить коллективный труд «Глобализация как эволюционный процесс. Моделирование глобальных изменений» под редакцией Джорджа Модельски, Тессалено Девезаса и Билла Томсона [Modelski, Devezas, Thompson, 2008]. Двадцать пять авторов (среди них наши коллеги А. Коротаев и П. Турчин) в девятнадцати главах представляют отнюдь не одну универсальную и исчерпывающую теорию всеобщего развития, а научно-исследовательскую программу.

Авторы тома о глобализации как эволюционном процессе используют около трех десятков предложенных коллегами моделей и более двух десятков собственных, чтобы различными альтернативными способами выявить алгоритмы закрепляемых изменений в самых различных масштабах и аспектах. Так, Билл Томсон применил метретический инструментарий для моделирования дол-

госрочной политической глобализации. Он постепенно подключает 13 переменных для поэтапного развертывания сначала простейших наметок общей глобализации примерно тысячелетие назад, затем различной политической глобализации пять сотен лет назад, наконец, начало образования глобального сообщества в прошлом веке. Девезас и Модельски на материале формирования португальской империи моделируют каскады многомерных, взаимно включающих (*nested*) и самоподобных (*self-similar*) процессов дарвиновского типа (*Darwinian-type processes*), которые демонстрируют статистически значимое поведение (*power-law behavior*) или самоорганизованную критичность (*self-organized criticality*). Разумеется, ни одна из моделей не претендует на исчерпывающее объяснение, но по-своему дополняет и обогащает общее понимание глобализации. В результате вырисовываются существенные контуры общего видения (*θεωρίᾱ*) глобального развития примерно за последнее тысячелетие. Пожалуй, они правы в том, что единая универсальная схема практически бесполезна, а нужен как раз достаточный набор адекватных моделей, которые можно использовать в эффективных сборках для поиска ответов на актуальные исследовательские вопросы.

Другое весьма полезное восполнение универсальной теории, индекса или иного инструмента для моделирования развития – правда, только европейского, но за последние два тысячелетия – это концептуальная карта Европы Стейна Роккана. Здесь также используется не одна модель и не одна теория, а широкий и разноплановый инструментарий, позволяющий применять при моделировании самые разные параметры, данные и приемы – в основном морфетические. Роккановская композиция моделей является открытой. Есть возможность и даже необходимость существенно ее расширить и усовершенствовать [Ильин, Барсукова, 2019].

Предпринимаются усилия по формированию эволюционной морфологии политики [Патцельт, 2022]. В отечественной науке важный хронополитический задел создан В.Л. Цымбурским в виде моделирования полуторастолетних военных циклов, более детальных циклов «похищения Европы», Балтийско-Черноморской конфликтной системы и т.п. Создаются работы по хронополитике и геохронополитике. Всё больший интерес вызывает изучение месторазвитий. Положено начало изучению генезиса и эволюции авторитета и политической власти [Фокин, 2019; 2020; 2021; 2022]. Немало сделано в рамках *клиодинамики* и *большой истории* П.В. Турчиным, А.В. Коротаевым, Л.Е. Грининым и их коллегами.

Наконец исключительно ценная модель каскадов развития предложена Н.С. Розовым на материале глоттогенеза [Розов, 2021; 2022].

В разговорах о нехватке универсальной модели развития невольно сказывается натяжка – разработка научно-исследовательских программ (в лакатовском смысле) социальной и общеэволюционной редуцируется до одной лишь морфологической модели. Ясно, однако, что ни одна единичная модель¹ не в состоянии целиком объяснить всеобщую глобальную динамику – в лучшем случае ее частный аспект, да и то при соответствующих ограничениях, например пространственно-временных.

Если же говорить об общенаучной эволюционной исследовательской программе, то она как раз эволюционным образом и росла. Зародилась она не с теории, а комплексного теоретико-эмпирического построения Чарльза Дарвина. Его интеграция с генетикой привела к современному эволюционному синтезу (*modern evolutionary synthesis*). Добавление эпигенетики, многоуровневого отбора, экологии и т.д. дали первую версию расширенного эволюционного синтеза (*extended evolutionary synthesis, evo-devo*).

С формированием биосемиотики, код-биологии, фенотипической и этологической пластичности и т.д. в настоящее время формируется новая еще более расширенная версия синтеза. Он уже выходит за пределы наук о жизни и биосфере в проблематику, с одной стороны, добиологической эволюции, морфогенеза и космогенеза, а с другой – антропогенеза, глоттогенеза и в целом антропогена. Это значит, что в перспективе эволюционная исследовательская программа могла бы включить политические и прочие социальные науки. В этих условиях разумно не сокрушаться, а полноценно включаться в это движение пусть пока что в качестве новичков.

---

¹ Может ли, к примеру, одна формула Тату Ванханена при всей ее простоте и великолепии объяснить феномен демократии или инклюзивного участия всех людей в самоуправлении? А если нет, то разумно ли искать такого рода формулу? Не разумнее ли, напротив, создавать целый набор взаимно подкрепляющих друг друга формул в рамках общей научно-исследовательской программы?

M.V. Ilyin, A.V. Veretevskaya*
**Alternative approaches to modelling
world political processes and orders**

Abstract. The article presents the grounds and principles of modelling with the example of the analysis of publications in the special issue of the journal “Political Science” devoted to the changing world orders (No. 2, 2024). A distinction is made between modelling in life and various scientific studies. The role of political modeling of research questions, subject, method and motivation of research is highlighted.

A distinction is made between phenomena and their concepts, their reification and dereification, as well as the reality, actuality and imaginativeness of modeled phenomena. Particular attention is paid to the miscalculations caused by the uncontrolled acceptance of the myth of the given and the myth of the framework. The processes of purification of saturation and rooting of models, the connection of these processes with simplex-complex transformations and transdisciplinary organon integrators – metretics, morphetics and semiotics – are considered. Alternative possibilities of modelling are discussed (in particular: the construction of dynamic models that take into account the synchronization and dissynchronization of political processes). The problem of forming a theoretical and methodological approach to development is discussed. The authors propose to develop not an abstract theory, but a transdisciplinary research program focused on mastering the extended evolutionary synthesis (evo-devo).

Keywords: modeling; phenomena; concepts; reality; actuality; imaginability; myth of the given; myth of the frame; transdisciplinary organon-integrators; metretics; morphetics; semiotics; simplex-complex transformation; synchronization; dissynchronization; extended evolutionary synthesis.

For citation: Ilyin M.V., Veretevskaya A.V. Alternative approaches to modelling world political processes and orders. *Political science (RU)*. 2025, N 1, P. 16–49. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.01.01>

References

- Afontsev S.A. The economic dimension of a multipolar world: what GDP indicators tell us. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 151–170. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.07> (In Russ.)
- Almond G.A., Flanagan S.C., Mundt R.J. *Crisis, choice, and change: Historical studies of political development*. Boston: Little, Brown and Co., 1973, 736 p.
- Arnason J.P. Culture and imaginary significations. *Thesis eleven*. 1989 a, Vol. 22, N 1, P. 25–45.
- Arnason J.P. The imaginary constitution of modernity. *Revue européenne des sciences sociales*. 1989 b, Vol. 27, N 86, P. 323–337.

---

* **Ilyin Mikhail**, INION; Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; HSE University (Moscow, Russia), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com; **Veretevskaya Anna**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: veretevskaya.a@my.mgimo.ru

- Arnason Y. Understanding inter-civilizational interaction. *METHOD: Moscow annual of social science disciplines*. 2015, N 5, P. 109–123. (In Russ.)
- Avdonin V.S. Mathematics as an organon: formalizations, algorithms, models. *METHOD: Moscow annual of social science disciplines*. 2016, N 6, P. 90–108. (In Russ.)
- Castoriadis C. *L'Institution imaginaire de la société*. Paris: Le Seuil, 1975, 498 p.
- Castoriadis C. *The Imaginary Institution of Society*. Moscow: Gnosis, 2003, 480 p. (In Russ.)
- Charmaz K. *Constructing grounded theory: a practical guide through qualitative analysis*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2006, 224 p.
- Charmaz K. Grounded theory: Objectivist and constructionist methods. In: Denzin N.K., Lincoln Y.S. (eds). *The Sage handbook of qualitative research*. Oaks, CA: Sage, 2000, P.509–533.
- Cowley S.J. Linguaging and practices: intimations of a singular ontology. *Linguistic frontiers*. 2024, N 7 (1), P. 39–53.
- Dahl R. *Democracy and its critics*. Moscow: ROSSPEN, 2003, 576 p. (In Russ.)
- Dahl R.A. *Democracy and its critics*. New Haven: Yale university press, 1989, 397 p.
- Deacon T.W. *Incomplete nature: how mind emerged from matter*. New York: W.W. Norton and Company, 2011, 602 p.
- Fokin K.V. “Deep” democracy and political authority. *Journal of political philosophy and sociology of politics*. “*Politia: analysis, chronicle, forecast*”. 2020, N 3 (98), P. 34–61. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-98-3-34-61> (In Russ.)
- Fokin K.V. Evolution of political authority institutions: framework basis of the concept. *Journal of political philosophy and sociology of politics*: “*Politia: analysis, chronicle, forecast*”. 2019, N 3 (94), P. 33–54. (In Russ.)
- Fokin K.V. The methods of institutional political authority: an evolutionary approach. PhD dissertation. Moscow, 2022, 172 p. (In Russ.)
- Fokin K.V. Evolution of power: (proto) political behavior in animals. *METHOD: Moscow yearbook of works from social science disciplines*. 2021, N 11–3, P. 104–120. (In Russ.)
- Fomin I.V. Category of social imagination. *METHOD: Moscow yearbook of works from social science disciplines*. 2012, N 3, P. 115 – 130. (In Russ.)
- Fomin I.V. Political research in a transdisciplinary perspective: the possibilities of semiotic tools. *Political Science (RU)*. 2015, N 2, P. 8–25. (In Russ.)
- Fomin I.V. Elements of a semiotic organon for social science: analysis of narratives. *METHOD: Moscow yearbook of works from social science disciplines*. 2014, N 4, P. 143–160. (In Russ.)
- Fomin I.V., Ilyin M.V., Malinova O.Yu., Durnovtsev V.I. Transdisciplinary organons of humanitarian knowledge: discussion at the plenary session “Integration of humanitarian and natural science knowledge: informational approaches”. *METHOD: Moscow annual of social science disciplines*. 2016, N 6, P. 109–117. (In Russ.)
- Geertz C. *Interpretations of cultures. Selected Essays*. New York: Basic Books, 1973, 470 p.
- Gibson J.J. “*The theory of affordances*”. *The ecological approach to visual perception*. Boulder: Taylor and Francis, 1979, 346 p.
- Gibson J.J. *The senses considered as perceptual systems*. London: Bloomsbury academic, 1966, 335 p.

- Giddens A. *Agency, structure. Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis*. Berkeley: University of California press, 1979, 294 p.
- Glaser B.G., Strauss A.L.L. *The discovery of grounded theory: strategies for qualitative research*. Chicago: Aldine, 1967, 271 p.
- Grinin L.E., Grinin A.L., Korotaev A.V. Global transformations of the world-system and outlines of a new world order. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 124–150. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.06> (In Russ.)
- Heras-Escribano M., de Pinedo-García M. Affordances and landscapes: overcoming the nature-culture dichotomy through niche construction theory. *Frontiers in psychology*. 2018, N 8, Article 2294. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.02294>
- Heras-Escribano M. *The philosophy of affordances*. Cham: Springer, 2019, 232 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-98830-6>
- Hicks M.R. Sellars, price, and the myth of the given. *Journal for the history of analytical philosophy*. 2020, N 8 (7), P. 1–16.
- Ilyin M.V. Cartesian moment: new reflections on styles and methods in the old-fashioned manner of descartes. *METHOD: Moscow annual of social science disciplines*. 2020, N 10, P. 22–76. (In Russ.)
- Ilyin M.V., Avdonin V.S., Fomin I.V. Methodological challenge: where are the boundaries of method applicability? What are the criteria for their effectiveness? *METHOD: Moscow annual of social science disciplines*. 2017, N 7, P. 5–24. (In Russ.)
- Ilyin M.V., Barsukova A.V. Conceptual map of Europe by Stein Rokkan: deployment in space and time. *International processes*. 2019, Vol. 17, N 4 (59), P. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.02> (In Russ.)
- Ilyin M.V. (ed.). Round table “Mathematics and semiotics: two separate cognitive abilities or two poles of a single organon of scientific knowledge?” *METHOD: Moscow yearbook of works from social science disciplines*. 2014, N 4, P. 122–142.
- Kabernik V.V. Traps of statistics and experience in overcoming them. *Political science*. 2024, N 2, P. 237–261. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.11> (In Russ.)
- Kortunov A.V. Mirages of Westphalia. *Russian international affairs council (RIAC)*. 2020 c. Mode of access: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirazhivestfalya/?sphrase_id=86758023 (accessed: 26.12.2024) (In Russ.)
- Kortunov A.V. The International System Between Crisis and Revolution. *Russian International Affairs Council (RIAC)*. 2023. (In Russ.) Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnaya-sistema-mezhdu-krizisom-i-revolutsiyey/> (accessed 26.12.2024)
- Kortunov A.V. Crisis of the world order and the future of globalization. *Report of the Russian International Affairs Council (RIAC). Report No. 60/2020*. Moscow: NP RIAC, 2020 b, 60 p. (In Russ.)
- Kortunov A.V. Crisis of the world order and the global South. *Report of the Russian International Affairs Council (RIAC). Report No. 59/2020*. Moscow: NP RIAC, 2020 a, 48 p. (In Russ.)
- Kortunov A.V. Multipolarity and multilateralism: two dimensions of the current world order. *Political Science (RU)*. 2024, N 2, P. 80–101. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.04> (In Russ.)
- Kortunov A.V. *The world in a new edition*. Moscow: RIAC, 2022 a, 484 p. (In Russ.)

- Kortunov A.V. Restoration, reformation, revolution? Scenarios for world order after the Russo-Ukrainian conflict. *Working paper N 66 / 2022. Russian international affairs council (RIAC)*. Moscow: NP RIAC, 2022 b, 36 p. (In Russ.)
- Kortunov A.V. What will “globalization 2.0” look like? *International life*. 2021, N 3, P. 46–55. (In Russ.)
- Kortunov A.V. Consolidation of the west and asymmetric bipolarity. *Working paper N 69 / 2022. Russian international affairs council (RIAC)*. Moscow: NP RIAC, 2022 c, 40 p. (In Russ.)
- Kukla R. Myth, memory and misrecognition in Sellars’ “Empiricism and the philosophy of mind”. *Philosophical studies*. 2000, N 101 (2), P. 161–211. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1026493029153>
- Lebedeva M.M. Searching for a new world order: the interests of the actors in world politics. *Political Science (RU)*. 2024, N 2, P. 102–123. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.05> (In Russ.)
- Makarenko B.I. The state and the people: the growing diversity of relationship models. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 218–236. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.10>
- Maltsev A.M. Amorphous “hard power”? Approaches to the reconceptualization and empirical measurement of military power in world politics. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 300–325. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.14> (In Russ.)
- Melville A.Yu. New challenges for political science. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 16–36. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.01> (In Russ.)
- Mironyuk M.G. Continuity and changeability of international orders and disorders. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 55–79. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.03> (In Russ.)
- Mironyuk M.G., Toloknev K.A., Maltsev A.M. Military power in world politics: for winning wars, preventing wars, or gaining status? *International processes*. 2018, Vol. 16, N 2 (53), P. 26–48. (In Russ.)
- Modelski G., Devezas T., Thompson W.R. *Globalization as evolutionary process: modeling global change*. New York: Routledge, 2007, 464 p.
- Morgenthau H. *Politics among nations: the struggle for power and peace*. New York: Alfred Kopf, 1948, 688 p.
- O’Shea J.R. What is the myth of the given? *Synthese*. 2021, N 199 (3–4), P. 10543–10567. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-021-03258-6>
- Okunev I.Yu. Stanford model of development crisis. *Polis (Political studies)*. 2009, N 3, P. 136–144. (In Russ.)
- Patzelt V. New analytical and methodological opportunities: political science and evolutionary theory. *METHOD: Moscow annual of social science disciplines*. 2022, N 3, P. 190–218. (In Russ.)
- Popper K.R. *The myth of the framework: in defence of science and rationality*. London: Routledge, 1994, 229 p.
- Popper K.R. The myth of the framework. In: Pitt J.C., Pera M. (eds.) *Rational changes in science. Essays on scientific reasoning*. Dordrecht: D.Ridel, 1987, 224 p.
- Prigogine I., Stengers, I. *Order out of chaos: man’s new dialogue with nature*. New York: Bantam Books, 1984, 349 p.
- Prigogine I., Stengers I. *Order out of chaos: A new dialogue between man and nature*. Moscow: Progress, 1986, 432 p.

- Rozov N.S. *The origin of language and consciousness: how social orders and communicative concerns generated speech and cognitive abilities*. Novosibirsk: Manuscript, 2022, 355 p. (In Russ.)
- Rozov N.S. The Origin of language: co-evolution of communicative concerns and sign structures. *METHOD: Moscow annual of social science disciplines*. 2021, N 11, P. 162–193. (In Russ.)
- Ryle G. Thinking and reflecting. *Royal Institute of philosophy supplements*. 1968 a, N 1, P. 210–226. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0080443600011511>
- Ryle G. The thinking of thoughts: What is “Le Penseur” doing? In: Ryle G. (ed.). *Collected Essays*. London: Routledge, 2009, P. 480–496.
- Saborido C., Heras-Escribano M. Affordances and organizational functions. *Biology and Philosophy*. 2023, N 38 (1), P. 1–16. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.1007/s10539-023-09891-4>
- Sartori D. Concept misformation in comparative political science. *Polis (Political studies)*. 2003, N 3, P. 67–77. (In Russ.)
- Sartori G. Concept misformation in comparative politics. *American political science review*. 1970, N 64 (4), P. 1033–1053.
- Sedashov E.A., Chernov D.N., Balanyina S.N. The influence of leader characteristics on interstate conflicts: a dyadic analysis. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 193–217. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.09> (In Russ.)
- Sellars W. Empiricism and the philosophy of mind. In: Feigl H., Scriven M. (eds). *Minnesota studies in the philosophy of science*. Minnesota: University of Minnesota Press, 1956, Vol. 1, 267 p.
- Shanks D.P. *An interpretation of emergence within Sellars’ “Empiricism and the Philosophy of Mind”*. Master of arts thesis. San Francisco, CA: Spring, 2018, 33 p.
- Stoffregen, T.A., Wagman, J.B. Higher order affordances. *Psychonomic bulletin and Review*. 2024, P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13423-024-02535-y>
- Strauss A.L., Corbin J. *The basics of qualitative analysis: grounded theory procedures and techniques*. Newbury Park: Sage, 1990, 272 p.
- Stukal D.K. Analysis of subjective data in political research: from expert assessments to artificial intelligence. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 37–54. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.02> (In Russ.)
- Taylor C. *Modern social imaginaries*. Durham: Duke university press, 2004, 215 p.
- Taylor C. What is the social imaginary? *Neprikosnovenny Zapas: Debates on Politics and Culture*. 2010, N 1 (69), P. 19–26. (In Russ.)
- Timofeev I.N. Sanctions policy: unipolar or multipolar world? *Bulletin of international organizations: education, science, new economy*. 2019, Vol. 14, N 3, P. 9–26. (In Russ.)
- Timofeev I.N. “Sanctions for violating sanctions”: the US department of the treasury’s coercive measures against financial sector companies. *Polis (Political studies)*. 2020, N 6, P.73–90. (In Russ.)
- Timofeev I.N. How to study sanctions policy in the project “Political atlas of the modern world 2.0”? *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 282–299. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.13> (In Russ.)
- Timofeev I.N. How to study sanctions policy? Empirical research strategy. *International analytics*. 2023, Vol .14, N 1, P. 22–36. (In Russ.)

- Timofeev I.N. Secondary US sanctions on the Russian direction: an empirical analysis experience. *Comparative politics*. 2024, Vol. 15, N 1, P. 95–114. DOI: <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114> (In Russ.)
- Timofeev I.N. UK sanctions policy: institutional mechanisms and the Russian direction. *Modern Europe*. 2022, N 4 (111), P. 22–36. (In Russ.)
- Wells A.J. Gibson's affordances and Turing's theory of computation. *Ecological psychology*. 2002, N 14 (3), P.140–180.
- Withagen R., de Poel H.J., Araújo D., Pepping G.-J. Affordances can invite behavior: reconsidering the relationship between affordances and agency. *New ideas in psychology*. 2012, N 30 (2), P. 250–258.
- Zolyan S. Semiotics as an organon of humanitarian knowledge: opportunities and limitations. *METHOD: Moscow annual of social science disciplines*. 2016, N 6, P. 74–89. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Авдонин В.С. Математика как органон: формализации, алгоритмы, модели // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2016. – № 6. – С. 90–108.
- Арнасон Й. Понимание межцивилизационного взаимодействия // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2015. – № 5. – С. 109–123.
- Афонцев С.А. Экономическое измерение многополярного мира: о чем говорят показатели ВВП // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С.151–170. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.07>
- Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Глобальные трансформации мир-системы и контуры нового мирового порядка // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 124–150. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.06>
- Даль Р. Демократия и ее критики. – М.: РОССПЭН, 2003. – 576 с.
- Золян С. Семиотика как органон гуманитарного знания: возможности и ограничения // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2016. – № 6. – С. 74–89.
- Ильин М.В. Картезианский момент. Новые рассуждения о стилях и методах в старомодной манере Декарта // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2020. – № 10. – С. 22–76.
- Ильин М.В., Авдонин В.С., Фолин И.В. Методологический вызов. Где границы применимости методов? Каковы критерии их эффективности? // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2017. – № 7. – С. 5–24.
- Ильин М.В., Барсукова А.В. Концептуальная карта Европы Стейна Роккана. Развертывание в пространстве и времени // Международные процессы. – 2019. – Т. 17, № 4 (59). – С. 6–21.
- Каберник В.В. Ловушки статистики и опыт их обхода // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 237–261. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.11>
- Касториadis К. Воображаемое установление общества. – М.: Гнозис, 2003. – 480 с.
- Кортунов А.В. Кризис миропорядка и Глобальный Юг: Доклад Российского совета по международным делам (РСМД). Доклад № 59/2020. – М.: НП РСМД, 2020а. – 48 с.

- Кортунов А.В.* Кризис миропорядка и будущее глобализации: доклад Российского совета по международным делам (РСМД). Доклад № 60/2020 – М.: НП РСМД, 2020 б. – 60 с.
- Кортунов А.В.* Миражи Вестфалья / Российский совет по международным делам. – 2020с. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirazhi-vestfalya/?sphrase_id=86758023
- Кортунов А.В.* Какой будет «Глобализация 2.0»? // Международная жизнь. – 2021. – № 3. – С. 46–55.
- Кортунов А.В.* Мир в новой редакции. – М.: НП РСМД, 2022 а. – 484 с.
- Кортунов А.В.* Реставрация, реформация, революция? Сценарии мироустройства после российско-украинского конфликта: рабочая тетрадь № 66 / под ред. Е.О. Карпинской, И.А. Цымбал // Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2022 б. – 36 с.
- Кортунов А.В.* Консолидация Запада и асимметричная биполярность: рабочая тетрадь № 69 / под ред. Е.О. Карпинской, И.А. Цымбал // Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2022 с. – 40 с.
- Кортунов А.В.* Международная система между кризисом и революцией / Российский совет по международным делам. – 2023. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnaya-sistema-mezhdu-krizisom-i-revoljutsiesiy/> (дата посещения: 26.12.2024).
- Кортунов А.В.* Многополярность и многосторонность – два измерения будущего миропорядка // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С.80–101. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.04>
- Круглый стол «Математика и семиотика: две отдельные познавательные способности или два полюса единого органа научного знания?» / под ред. Ильина М.В. // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2014. – № 4. – С. 122–142.
- Лебедева М.М.* В поисках нового миропорядка: интересы акторов мировой политики // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 102–123. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.05>
- Макаренко Б.И.* Государство и народ: нарастающее многообразие моделей отношений // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 218–236. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.10>
- Мальцев А.М.* Аморфная «жесткая сила»? Подходы к реконцептуализации и эмпирическому измерению военной мощи в мировой политике // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 300–325. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.14>
- Мельвиль А.Ю.* Новые вызовы для политической науки // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 16–36. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.01>
- Миронюк М.Г., Толочнев К.А., Мальцев А.М.* Военная мощь в мировой политике: для победы в войне, для предотвращения войны и (или) для обретения статуса? // Международные процессы. – 2018. – Т. 16, № 2 (53). – С. 26–48.
- Миронюк М.Г.* Преемственность и изменчивость международных порядков и беспорядков // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 55–79. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.03>
- Окунев И.Ю.* Стэнфордская модель кризиса развития // Полис. – 2009. – № 3. – С. 136–144.

- Патцельт В. Новые аналитические и методологические возможности: политическая наука и теория эволюции // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2022. – № 3. – С. 190–218.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
- Розов Н.С. Происхождение языка: коэволюция коммуникативных забот и знаковых структур // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2021. – № 11. – С. 162–193.
- Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. – Новосибирск: Манускрипт, 2022. – 355 с.
- Сартори Д. Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 67–77.
- Седашов Е.А., Чернов Д.Н., Баланина С.Н. Влияние характеристик лидеров на межгосударственные конфликты: диадический анализ // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 193–217. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.09>
- Стукал Д.К. Анализ субъективных данных в политических исследованиях: от экспертных оценок до искусственного интеллекта // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 37–54. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.02>
- Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2010. – № 1 (69). – С. 19–26.
- Тимофеев И.Н. Вторичные санкции США на российском направлении: опыт эмпирического анализа // Сравнительная политика. – 2024а. – Т. 15, № 1. – С. 95–114. – DOI: <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114>
- Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 22–36.
- Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций в проекте «Политический атлас современного мира 2.0»? // Политическая наука. – 2024b. – № 2. – С. 282–299. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.13>
- Тимофеев И.Н. Политика санкций Британии: институциональные механизмы и российское направление // Современная Европа. – 2022. – № 4 (111). – С. 22–36.
- Тимофеев И.Н. Политика санкций: однополярный или многополярный мир? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 9–26.
- Тимофеев И.Н. «Санкции за нарушение санкций»: принудительные меры Министерства финансов США против компаний финансового сектора // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 6. – С. 73–90.
- Трансдисциплинарные органы гуманитарного знания. Дискуссия на пленарном заседании «Интеграция гуманитарных и естественно-научных знаний: информационные подходы» Седьмых гуманитарных чтений РГГУ / И.В. Фомин, М.В. Ильин, О.Ю. Малинова, В.И. Дурновцев // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2016. – № 6. – С. 109–117.
- Фокин К.В. Эволюция институтов политического авторитета: рамочная основа концепции // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2019. – № 3 (94). – С. 33–54.
- Фокин К.В. «Глубинная» демократия и политический авторитет // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника.

Прогноз». – 2020. – № 3 (98). – С. 34–61. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-98-3-34-61>

Фокин К.В. Эволюции власти: (прото)политическое поведение у животных // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2021. – № 11 (3). – С. 104–120.

Фокин К.В. Способы институционализации политического авторитета: эволюционный подход: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2022. – 172 с.

Фомин И.В. Категория социальной вообразяемости // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2012. – № 3. – С. 115–130.

Фомин И.В. Политические исследования в трансдисциплинарной перспективе: возможности семиотического инструментария // Политическая наука. – 2015. – № 2. – С. 8–25.

Фомин И.В. Элементы семиотического органа для обществоведения: анализ повествований // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2014. – № 4. – С. 143–160.